

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.4
EDN: IFKQXK

ПАМЯТИ Г.С. БАТЫГИНА (1951–2003)

19 февраля 2026 года исполнилось бы 75 лет Геннадию Семеновичу Батыгину — доктору философских наук, профессору, создателю и главному редактору «Социологического журнала». Посвящаем этой дате публикацию аспиранта Тель-Авивского университета И.В. Преснякова, который работает над изучением устной истории Московской высшей школы социальных и экономических наук — Шанинки. В фокусе его исследовательского интереса находится и Г.С. Батыгин, ведь он был одним из создателей факультета социологии этой Школы, его деканом, много лет здесь преподавал. Илья Пресняков учился в Шанинке в 2019–2020 гг. и не был лично знаком с Батыгиным. Для своего исследования автор изучил биографию Геннадия Семеновича, проанализировал некоторые его работы и отклики коллег. В публикуемой статье Илья Пресняков представил свое видение исследовательской программы Г.С. Батыгина, проанализировал ее в координатах и социально-научного времени, и творческой личности ученого. Переключка поколений в социологии важна тем, что помогает сохранять идейную преемственность и историческую память о предыдущих этапах нашей науки, ее коллизиях и достижениях, ее ключевых фигурах.

И.В. ПРЕСНЯКОВ¹

¹ Школа истории и региональных исследований, факультет гуманитарных наук, Тель-Авивский университет.

Корпус Гилмана, Рамат Авив, Тель-Авив, 6997801, Израиль.

СОВЕТСКИЙ / НЕСОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ ГЕННАДИЙ БАТЫГИН: КОНТУРЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация. Статья представляет собой попытку реконструкции исследовательской программы Геннадия Семеновича Батыгина (1951–2003) — философа, социолога, историка социальных наук и первого декана факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН / Шанинки). Анализ выстроен как последовательное описание четырех тематических блоков: 1) история российской / советской социологии, 2) язык и письмо социологиче-

ской науки, 3) методология социологических исследований, 4) дискуссия о «качественной» социологии и «жесткой» методологии.

Основной тезис статьи следующий: если формально относить Батыгина к когорте «советских социологов», то одновременно следует уточнить, что во многом он работал вне логики и норм советской социологии. Иными словами, исследовательская программа Батыгина, возникая внутри институционального контекста советской науки, трансформировала методологические, текстологические и мировоззренческие основания последней по трем направлениям. Во-первых, инструментальный пафос социологии уступал место нормативной модели академического «призвания» в веберовском духе. Во-вторых, Батыгин разрабатывал критерии академического письма, независимые от политической конъюнктуры. В-третьих, в его концепции интерпретативных схем существенно пересматривались основания советского социологического эмпиризма: Батыгин доказывал, что социальная реальность в исследовании есть конструируемый артефакт, а не прямое отражение объективного мира.

На примере исследовательской и педагогической деятельности Батыгина в МВШСЭН показано, что Московская школа с середины 1990-х гг. становилась пространством профессионализации и академизации социологического ремесла в России, в котором советская социальная наука не отрицалась, а критически переосмыслилась.

Ключевые слова: Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003); история российской социологии; советская социология; методология социологических исследований; академическое письмо; концептуальная модель; интерпретативные схемы; качественная методология; профессионализация социологии; Московская высшая школа социальных и экономических наук; Шанинка; устная история.

Для цитирования: Пресняков И.В. Советский / несоветский ученый Геннадий Батыгин: контуры научно-исследовательской программы // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 66–86. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.4) EDN: [IFKQXK](https://www.edn.ru/IFKQXK)

Введение

Мое текущее исследование посвящено устной истории Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка, МВШСЭН). Помимо чисто институциональных аспектов, мне важно рассказать о «людях Московской школы» — студентах, выпускниках, преподавателях, администраторах и т. д. Как и полагается исследовательскому университету, каким задумывался «британский колледж» в Москве, многие из тех, кто стоял у его истоков, были не только педагогами и организаторами образования, но и учеными с собственными исследовательскими проектами, результатами которых они делились со слушателями российско-британского университета. Таким ученым был и первый декан факультета социологии Московской школы Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003).

Как и другие ученые своего поколения, Батыгин не был социологом по образованию. В социальную науку он попал случайно, когда осенью 1974 г., после окончания философского факультета МГУ и безуспешного поиска преподавательской позиции поступил в аспирантуру Института конкретных социальных

исследований Академии наук СССР (далее — ИКСИ). Слово «социология» было для него новым. Смену фокуса с философствования на конкретные и прикладные исследования он сначала рассматривал чуть ли не как «поражение», но постепенно втянулся. Тема кандидатской диссертации, вспоминал Батыгин, «сформировалась независимо от меня, но я нашел в ней интерес» [2, с. 147]. Интерес удалось реализовать достаточно скоро, в 1977 г. В 1986-м Батыгин получил докторскую степень, а в 1982 г. стал заместителем главного редактора крупнейшего в СССР тематического журнала «Социологические исследования».

Однако здесь я намеренно прерву хронологическую логику биографического повествования. Цель данного текста иная: посредством историко-социологической реконструкции описать исследовательскую программу Батыгина, выделить ее отличительные черты и увидеть взаимосвязанность ее компонентов¹. Изложение я выстрою как последовательность четырех тематических блоков: 1) история российской социологии; 2) язык социологической науки; 3) методология социологических исследований; 4) вопрос о «качественной» социологии и «жесткой» методологии.

Основной тезис, который я при этом постараюсь доказать, состоит в следующем: если формально относить Батыгина к когорте «советских социологов»², то одновременно следует уточнить, что во многом он работал совсем не по правилам и нормам советской социологии. Иными словами, его исследовательская программа, с одной стороны, возникала и развивалась внутри институционального контекста и тематического репертуара советской социологии, с другой — трансформировала ее методологические, текстологические и мировоззренческие основания.

Осмысление Батыгиным исторического опыта российской / советской социологии, ее языка, текстопроизводства и методологии влияло на то, какой образ науки и модель социологических исследований он транслировал студентам, в том числе в Московской высшей школе социальных и экономических наук. Она, созданная в 1995 г., становилась таким образом пространством, в котором советская социальная наука не отрицалась или «преодолевалась», а, напротив, осмыслялась и эвристически перерабатывалась для дальнейшей профессионализации социологического ремесла.

Допускаю, что искушенным читателям, которые знали Геннадия Семеновича лично, учились у него или работали с ним, мой текст может показаться или слишком схематизирующим³, или излишне начетническим. На это замечу, что

¹ Говоря об «исследовательской программе», я вполне следую принятому в философии науки понятию, которое подразумевает совокупность взаимосвязанных предпосылок, теоретических и методологических принципов, соотношение эмпирики и теории, а также эвристический потенциал науки. Об этом см., например: [29].

² Что вполне можно сделать, если опираться, например, на поколенческую концепцию российской постхрущевской социологии, предложенную Борисом Докторовым, в которой Батыгин относится к четвертому, «первому послевоенному», поколению советских социальных ученых [14, с. 130].

³ Так, одной из главных для Батыгина в последние годы стала проблема коммуникативной природы познавательных актов и коммуникативной адекватности в отношениях между респондентом и ученым. Дмитрий Рогозин, ученик, коллега и соратник Батыгина, отмечал, что она (проблема) «является ключом к прочтению текстов и выступлений Батыгина об особенностях исследовательской практики, понимании способов бытования научного знания» [24, с. 129]. Батыгин выходил на данную проблематику через так называемую «триаду Стефана Новака», позже — через когнитивный анализ опросного инструментария, теорию речевых актов, конверс-анализ [1, с. 49].

я пытаюсь посмотреть на дело ученого со стороны — глазами человека, лично с ним незнакомого, никогда у него не учившегося, но желающего понять, что, почему и как исследовал Батыгин, чему, почему и как учил слушателей Шанинки. А значит, схематизм и начетничество в некотором смысле неизбежны. Наконец, я должен обозначить ресурсное ограничение моего текста, который опирается только на опубликованные (и далеко не все) работы Батыгина, а также на выборочные воспоминания о нем. Безусловно, это не позволит описать его исследовательскую программу во всех деталях. Для этого нужно провести полноценное архивное исследование, изучить его неопубликованное рукописное наследие, собрать воедино многочисленные воспоминания аспирантов, коллег и друзей⁴. Но это и не является моей задачей. В этом смысле мой текст, обозначающий контуры исследовательской программы Батыгина, открыт для критики, уточнений, дополнений и рекомендаций, то есть продолжения ее развертывания и экспликации.

История российской/советской социологии

В автобиографическом интервью 2002 г. в качестве своей «основной» темы Батыгин назвал историю социальной науки в России. Это уточнение послужит мне отправной точкой, с которой я начну проследивать его исследовательскую программу. Тема истории социологии, а также ее преемственности в России на трех исторических этапах — дореволюционном, во время утверждения советского марксизма и современной ученому фазе краха коммунистического дискурса — сформировалась у Батыгина, когда в конце 1980-х он начал работать в секторе «Критики западной социологии» Института социологии АН СССР, возглавляемом историком и теоретиком Юрием Давыдовым. Параллельно с работой в архивах Батыгин интервьюировал советских социологов и научную номенклатуру, начиная с «шестидесятников», то есть тех, кто проводил социологические исследования в СССР в период оттепели. Фактически же Батыгин был первым, кто инициировал проект по исследованию российской социологии на основе биографического метода и позже, в конце 1990-х, опубликовал сборник воспоминаний и документов [25].

Статья «Преемственность российской социологической традиции» в сборнике 1998 г. «Социология в России» [4] раскрывала концептуальную рамку батыгинских исторических исследований. Свой взгляд на историю российского

В данной статье я могу только обозначить этот важный для понимания социологической методологии Батыгина момент, но не могу предоставить его подробный анализ. Кроме того, нельзя забывать о программе переводов профессиональной социологической литературы, где Батыгин выступал научным редактором. Об этом см., в частности: [17, с. 56–57]. Описание и объяснение связи между просветительской и собственной исследовательской ипостасями ученого — тема, изучение которой также требует самостоятельного расследования.

⁴ На это, в частности, указывает Дмитрий Rogozin, когда говорит, что для полноценной экспликации методологического наследия Батыгина следует использовать также его переписку с учениками, написанные им отзывы на квалификационные выпускные работы и диссертации: «в тех материалах откроются не замеченные многими вопросы и затруднения, над которыми размышлял Геннадий Семенович» [24, с. 142]. Предположу, что на основе материалов и воспоминаний учеников Батыгина, из которых только к защите диссертации он успел подготовить около тридцати человек, о чем свидетельствует Лариса Козлова [17, с. 58], вполне можно описать машинерию научной «мастерской» в духе Пьера Бурдьё или увидеть на практике, как работает «личностное знание» по Майклу Полани.

обществознания он противопоставлял распространенному еще с позднесоветских времен подходу, согласно которому развитие социологии в России было волюнтаристски прервано в период сталинского правления, а затем возобновилось после XX съезда КПСС. И даже социологический «ренессанс» конца 1950-х в этой оптике не гарантировал автономии: считалось, что социология оставалась зависимой и испытывала давление со стороны партийно-государственной власти. История социологии описывалась через оппозиции «естественного» и «неестественного», «свободного» и «несвободного», «самостоятельного» и «регламентированного сверху» развития [26]. Сама же социология того периода трактовалась как «неестественная», «ущемленная», «ненастоящая», «изуродованная» [15, с. 223]. Призвание и заслуга советских социологов виделись прежде всего в «борьбе» за самостоятельность и легитимность, «сопротивление» вмешательству административного аппарата [20].

По мнению Батыгина, такой подход строился на некритическом противопоставлении науки и идеологии. Не отрицая фактов преследования и репрессий в отношении некоторых ученых, он предлагал отложить оптику политического противостояния и посмотреть на советский марксизм как на немонолитную культурную систему и пространство борьбы групп интересов, не укладывающееся в чисто академические рамки. Анализируя архивные источники, Батыгин хотел показать, что социология была не только не запрещена в СССР, но и интегрирована в структуру марксистской науки так, что соединяла «изошренность в построении риторических и мыслительных фигур» и «своеобычный стиль теоретизирования, внутри которого, как и внутри любого канона, хватало места и для свободомыслия, и для школьного прилежания, и для плюрализма мнений» [4, с. 24]. Иными словами, социология не исчезала как факт интеллектуальной жизни, но приобретала непривычные для западного контекста «нормальной науки» формы.

Чертой российской социологии, обеспечивавшей ее преемственность, Батыгин считал влияние науки на общественную и политическую жизнь. Появлению социологии в России во второй половине XIX в., а затем и марксизма способствовал прогрессистский настрой русских обществоведов и вера в рациональное переустройство общества [23]. В этом целеполагании, отмечал Батыгин, социология продолжала западную традицию просветительского миллениаризма с ее реформаторским и просвещенческим зарядом: создатели новой науки в первой половине XIX в. верили, что с ее помощью можно сделать жизнь лучше и справедливее. То обстоятельство, что с начала 1920-х гг. в России не могло быть никакой иной социологии, кроме марксистской, не меняло сути дела. Исторический материализм в ленинской, бухаринской или сталинской версиях рассматривал мир как объект социальной инженерии, как материал для социологического преобразования. Поэтому, по мнению Батыгина, казалось бы, трудно представить время, более подходящее для социологии, чем советский период: «впервые в истории социологические идеи обрели практическую силу» [6, с. 92].

На примере истории сектора социологии в Институте философии АН СССР, созданного в 1946 г., Батыгин показывал, что к этому времени социология планомерно вытеснялась историческим материализмом, но не отрицалась. Например, в «Большой советской энциклопедии» 1947 г. утверждалось, что «именно исторический материализм впервые возводит социологию на степень науки» [6, с. 95]. С этого

периода и до конца СССР социологическая работа проходила преимущественно в двух форматах: теоретической «критики буржуазной социологии» (что одновременно способствовало рецепции социологических идей Запада) и прикладных эмпирических исследований (сначала только по политическим каналам и для закрытого, «служебного» пользования, а затем, с конца 1950-х, в более академических формах). С 1957 г. дискуссия о положении социологии в марксистском обществоведении, в результате которой возникла трехуровневая структура социологической науки в СССР⁵, шла все более открыто. Однако независимо от жанра и способа институционализации социологических исследований их целеполагание оставалось неизменным. В оптике Батыгина атмосфера хрущевской оттепели не столько «освобождала», сколько интенсифицировала «социологическое реформаторство», которое хорошо укладывалось в рамки технократической идеи научного управления обществом. Факты же преследования отдельных ученых (например, Юрия Левады в 1969 г. за прочитанные им лекции на факультете журналистики МГУ) он трактовал не как «наезд» властных и консервативных политических элит на свободлюбивых ученых, а как «позиционный конфликт внутри профессионального социологического сообщества» — столкновение философов, с партийно-номенклатурных позиций отстаивающих исторический материализм как господствующий дискурс советского обществоведения, с социологами, которые занимались конкретными исследованиями на местах и ссылались на альтернативные истмату теоретические модели (например, структурный функционализм). Импульса «инженерной интерпретации» социологии хватило на период перестройки и первые постсоветские годы. В 1990-е «сохранился традиционный для российской интеллектуальной культуры импульс к развертыванию теоретических схем и рациональных реконструкций реформационного процесса в стране» [4, с. 40].

Язык и письмо социологической науки

С начала 1990-х российская социология становится интересна Батыгину как объект не только исторического, но и дискурсивного исследования. Прослеживая структурные изменения производства научных текстов во время перестройки и далее, Батыгин снова указывал на «спаянность» социальных наук с публичной аджендой, что, с его точки зрения, не могло не влиять на язык, риторику, тематику и стиль письма ученых. Как пример такого рода текстов можно назвать книгу 1989 г. «Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа» [21]. Составители сборника прямо указывали, что книга представляла собой попытку «соединить социально-экономическую теорию и научную публицистику» [21, с. 5]. Авторы, в числе которых были Т.И. Заславская, Ю.А. Левада и другие советские социологи, в научно-популярной форме высказывались о текущем политическом моменте. Проведенный Батыгиным анализ названий множества других публикаций, вышедших с 1997 по 2000 г., показывал, что предмет социологии в то время в обобщенной форме формулировался как «социальные проблемы», а не «социологические» [7], и это также доказывало смешение социологической терминологии с лексикой общеупотребительного характера.

⁵ Подробнее о ней см.: [22, с. 28–43].

Здесь для прояснения интереса Батыгина к дискурсивной проблематике целесообразно сделать отступление и обратиться к его биографии. Повышенное внимание к языку и текстам начало формироваться у него еще в детстве. Этому способствовало «еврейское почитание книжности» отцом и то, что ребенком Батыгин часто болел, поэтому много времени проводил дома за чтением. Первые навыки научной текстологической работы он приобрел, обучаясь на философском факультете МГУ. В биографическом интервью 2002 г. ученый вспоминал курс по истории марксизма, на котором студенты вместе с преподавателем прослеживали семантическую эволюцию понятия «диктатура пролетариата»: «...мы начинали понимать, как живет учение, как живут идеи. В то время словосочетание “история идей” не было в ходу. Сейчас я понимаю, что мы занимались самой настоящей текстологической работой» [2, с. 142]. Тогда же начал формироваться один из базовых методологических принципов, который Геннадий Семенович как преподаватель впоследствии транслировал студентам: «взяться за тему значит взяться за невообразимый пласт текстов» [2, с. 145].

Дальнейшая работа в ИКСИ, связанная на первый взгляд с чисто методологическими штудиями, также не обходила стороной языковую проблематику. Так, в статье 1978 г. поиск оптимальной формулировки показателя Батыгин с соавтором обосновывали как методологическую задачу: «Поскольку изменение формулировки может существенно изменить место показателя в морфологической модели, целесообразно более глубоко изучить влияние чисто вербальных изменений на значимость показателя» [9, с. 58]. Там же Батыгин осознал значимость стилистики в научном письме. После отклонения одного из текстов, вспоминает Батыгин, руководитель Игорь Бестужев-Лада «полностью переписал мой материал, подал его совершенно в другом ключе — стилистически ярко и семантически сильно. И мы опубликовали эту статью в соавторстве. С тех пор я понял, что уметь хорошо писать очень важно» [2, с. 150].

Не было чуждо Батыгину и журналистское ремесло. В середине 1980-х, испытывая, по воспоминаниям, «эйфорию» от перестройки, он, как обозреватель по социальным проблемам, сотрудничал с «Литературной газетой», «Неделей», журналами «Новое время», «Крокодил» и др. Специально для этого осваивал стилистику и риторику публицистического письма. Но довольно скоро разочаровался в политической вовлеченности.

Журналистский опыт позволил Батыгину на собственной практике ощутить разницу между чисто академическим и политическим жанрами. Но как исследователь деформацию научного стиля в социологическом письме на рубеже веков он не объяснял лишь тем, что отдельные обществоведы якобы некритично приняли либерально-демократическую риторику и фразеологию. Напротив, публицистическо-популярный характер текстов Батыгин считал объективным следствием интеллектуальной аномии, вызванной разрушением дискурса советского марксистского и частичной потерей автономии академическим сообществом. Посткоммунистический дискурс, утверждал он, «утратил топику “советского марксизма”, но сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы» [7, с. 64]. Обществоведы адаптировались не только к резким социально-политическим изменениям, но и к новому политическому лексикону. Это, согласно Батыгину, выражалось, во-первых, в распространении демократической фразео-

логии и постепенном «нарастании критической экзальтации в печати» [4, с. 39]. Во-вторых, в появлении рыночной ориентации и «предпринимательского стиля социологической работы, где имеет значение “внешняя экспертиза” — результат и соответствующее вознаграждение» [4, с. 41]. Кроме того, замена в Академии наук прежней системы административного планирования исследований на свободный выбор тем и проектов также оборачивалась размыванием форм и правил научного письма. Российская социология, подытоживал ученый, срасталась с публицистикой: «тематика исследования в значительной степени связана с вопросами социально-экономического реформирования России, и в этом отношении социологическая наука воспроизводит себя в форме идеологии» [4, с. 41].

Отмечу, что в более поздних исследованиях текстов советских социологов фактически подтверждались выводы, впервые сделанные Батыгиным. Например, Дарья Димке показала, что в поздней советской социологии сложились собственные критерии качества научного текста: «хороший социологический текст должен быть доступен всем, поскольку задача социолога — “улучшить жизнь вообще”, изменить общество посредством изменения сознания. Это означает в том числе, что социологические тексты должны быть написаны на понятном непрофессионалу языке» [13, с. 102]. Димке обращает внимание на тот факт, что к 2012 г. из всех цитирований работ крупнейших советских социологов (В.А. Ядов, Г.В. Осипов, Т.И. Заславская) более двух третей приходилось на тексты, опубликованные после 1995 г. В них, как правило, содержались не теоретическая концепция или результаты авторского исследования, а комментарии к текущему состоянию российского общества, российской социологии или личные воспоминания. Иными словами, тексты чисто академического жанра оказывались «невидимыми», то есть нецитируемыми в профессиональном сообществе. Причиной подобного невнимания Димке называет то, на что в конце 1990-х указывал Батыгин, — социально-реформаторское целеполагание: «Советский социолог “работал” вне академического поля. Его аудитория — общество в целом: власть, которой он должен был давать рекомендации и советы (и с которой, если она к ним не прислушивалась, должен бороться), и народ, который он должен был просвещать» [13, с. 103].

По мнению Батыгина, десемантизация языка и размывание норм текстообразования легитимировали поиск новых «авторитетных» критериев научного письма в социальных науках. В этот момент в нем говорил не историк, а действующий социолог с собственным научным этосом и нормами профессиональной работы⁶. С крахом советского марксизма и коммунистического дискурса, считал он, искомые критерии уже не могли быть обнаружены в языковом стиле и целеполагании советской социологии. Таковые, основанные на собственном исследовательском и редакторском опыте и рецепции зарубежной научной литературы, Батыгин предлагал в том числе студентам МВШСЭН в рамках курсов «Методология социологического исследования» и «Практическая стилистика и редактирование социологических текстов».

⁶ При этом, если Батыгин как историк советской социологии выступал против анализа через бинарные оппозиции, то современную ему текстовую ситуацию в социальных науках 1990-х гг. он, как «проводник» определенной нормативной академической модели, описывал через дихотомии «умной / профессиональной речи», «публичного / академического знания», «нормативно и ценностно значимого / профанного отношения». См.: [7].

В «Лекциях по методологии социологических исследований» 1995 г. в духе веберовской идеи о «призвании» Батыгин транслировал понимание науки как самоценного, неинструментального служения, а не общественно полезной работы. В такой картине мира подготовка научной публикации становилась «служебным актом, подчиненным своеобразному “воинскому артикулу”» [1, с. 230] и детальной регламентации. Ее и вводил Батыгин. Образцом при этом служили статьи из *American Journal of Sociology* за 1994 г. Он учил, как формулируются заглавие и аннотация, раскрывал и объяснял композицию текстов: от исторического очерка по изучаемому вопросу до выводов. Знакомил с жанром рецензии и правилами реферирования⁷. Учил оформлять примечания, библиографические списки, указатели. На примере «Социологического журнала», в котором был главным редактором, сравнивал оформление текстов в российских и в зарубежных изданиях. Раскрывал особенности каталогизации социологической литературы, объяснял, что такое «Индекс Гарфилда»⁸, делился приемами поиска текстов и показывал, как с помощью библиографических указателей следует писать имейлы зарубежным ученым с просьбой поделить статьи. В целом еще до появления соответствующей дисциплины в российских образовательных программах Батыгин учил тому, что сегодня называется «академическое письмо».

Валерий Виноградский, слушатель Шанинки в 1997/1998 учебном году, вспоминал, что на занятиях Батыгина по практической стилистике могли обсуждаться вопросы на первый взгляд чисто филологического свойства. Например, про использование паронимов — слов, похожих по звучанию и написанию, но имеющих разные значения. Или чем в научном письме точка отличается от точки с запятой. Или правила цитирования: Батыгин «внушал нам, что даже если ты по разным причинам не ссылаешься в тексте на цитируемый первоисточник, то ты, как добросовестный автор, обязан его вычитать» [10, с. 133]. В качестве практики Батыгин давал студентам для анализа рукописи статей, которые присылались в «Социологический журнал», или собственные тексты.

«Контрольное задание», делился Виноградский материалами Батыгина, содержало соответствующую преамбулу: «Уважаемые коллеги! Позвольте предложить Вашему вниманию текстовые примеры, которые могут содержать различного рода стилистические, лексико-семантические, синтаксические ошибки. Прошу Вас по возможности самостоятельно осуществить редакторскую экспертизу и исправить их, продемонстрировав при этом умение пользоваться корректорскими знаками, которые в этом случае рекомендуется выносить на левое поле. Следует указать тип ошибки: например, аллитерация, ассонансы, немотивированное использование омонимов, паронимов и неологизмов, контаминации, неправильное согласование и управление, etc. Пожалуйста, учтите, что в одном предложении могут содержаться несколько ошибок» [11, с. 66]. Одно из первых предложений звучало так: «Еще никому не удавалось закончить подготовку эссе к концу семестра». На поверхности была видна ошибка в форме разнесенной тавтологии «закончить... к концу». Поэтому глагол лучше было заменить на «завершить». Чуть более «за-

⁷ К слову, некоторых студентов Батыгин привлекал к написанию рецензий и рефератов для своего «Социологического журнала». Так, Александр Никулин вспоминал, что в период с 1997 по 2003 г. написал в журнал Батыгина не менее семи рецензий [19].

⁸ Индекс цитируемости, легший в основу поисковой платформы Web of Science.

ковыристым» было артикуляционное неудобство «к концу семестра», в котором эксплозивный звук «к» создавал для читателя дискомфорт. Батыгин, вспоминал Виноградский, учил, что между двумя эксплозивными звуками лучше поставить гласный: не «к концу семестра», а «к окончанию семестра». Или, например, надо было проанализировать фразу, звучавшую более социологически: «В переходных обществах, как правило, доминирует нисходящая мобильность». В ней, несмотря на правильность содержания, в стилистическое противоречие входили словоформы «доминировать» (то есть подниматься, восходить, возрастать) и «нисходящая» (то есть опускаться вниз) [11, с. 67].

Лингвистический слух, вспоминал Виноградский, после подобных занятий особенно обострялся. В статье о Пауле Лазарсфельде Батыгин цитировал Пушкина: «В социологии же вопрос “Зачем кружится ветер в овраге?..” может, в принципе, быть включен в ее тематическое пространство, правда, это будет социология особого рода» [5, с. 119]. Виноградский, филолог по первому образованию, заметил неточность. В оригинале использовался глагол не «кружится», а «крутится». Первый означает движение в большом пространстве, например, в поле. Второй — в ограниченном и замкнутом. Об ошибке Виноградский не сообщил прямо, а лишь деликатно спросил о значении похожих слов. Спустя несколько минут обсуждения «Батыгин понял все. Надо было видеть его в ту минуту. Он швырнул сигарету мимо урны и закусил рукав <...>. Не буду описывать наш дальнейший, сбивчивый и полный присоленных восклицаний, разговор. Не буду рассказывать, как в буфете мы выпили по квадратной рюмке виски и что было дальше» [10, с. 135].

Методология социологических исследований

Еще одной составляющей исследовательской программы Батыгина стала методология социологии. Как и в случае с языковой и текстологической проблематикой, его представления об основах и принципах социально-научного познания стали результатом, во-первых, личного биографического опыта как позднесоветского и постсоветского социолога, во-вторых, теоретического переосмысления этого опыта, в-третьих, рецепции западных философских и социологических теорий.

Здесь снова целесообразно сделать небольшой шаг в сторону и посмотреть на биографию Батыгина. Поступив в аспирантуру ИКСИ, он начал изучать «образ жизни» советских граждан. Тема, как вспоминал Геннадий Семенович, имела двусмысленный характер. С одной стороны, она включала каноничные категории марксистского словаря — производительных сил, производственных отношений, форм общественного сознания и др. С другой стороны, «когда “образ жизни” вошел в марксизм для обозначения форм повседневности, это означало явную ревизию марксистского учения» [2, с. 147]. Поэтому Батыгин готовил много рефератов и переводов зарубежных источников. Задача была систематизировать показатели образа жизни и составить их классификатор. Затем выбранным экспертам предлагалось оценить значимость каждого показателя. Текстологическая работа совмещалась с математикой и статистикой. В 1977 г. по итогам классификаторско-измерительной работы Батыгин защитил кандидатскую диссертацию «Типология социальных показателей образа жизни. Методологические и методические проблемы».

После защиты он сфокусировался на изучении показателей как таковых, что означало погружение в полевую работу, методику и технику социологии: провел несколько производственных опросов, вместе с коллегами осваивал статистику. В докторской диссертации 1986 г. «Методологические проблемы обоснования научного вывода в прикладных социологических исследованиях» Батыгин развивал выводы кандидатской и утверждал: прежде чем определять «значимость» того или иного показателя, нужно сформулировать, как понимается «значимость». Отсюда следовал вывод, что даже самые продуманные и сложно сконструированные показатели как измерительные инструменты никогда не дают прямого доступа к «объективной» реальности и что за каждой системой измерения стоит некоторая интерпретативная модель [3, с. 177]. Батыгин фактически «подрывал» основы советской эмпирической социологии: «ориентация на эмпирический материал вовсе не является характерной чертой социологического мышления» [3, с. 183]. Если данные опросов и наблюдений формируются интерпретативными схемами, значит, «социальная реальность» в исследованиях есть созданный артефакт, а не простое отражение «объективного» мира.

В интервью 2002 г. Геннадий Семенович признавался, что аргументацию, предложенную в докторской, он позже находил в научной литературе, опубликованной до него, но тогда, в 1970–1980-е гг. в СССР, «ее не было, а во всех учебниках по методике говорилось, что нужно фиксировать точное и объективное значение признаков, как они есть в реальности» [2, с. 154]. Примечательно, что Батыгин при этом ссылался на литературоведческую теорию. В частности, на концепцию Михаила Бахтина о диалогичном взаимодействии текста и контекста: «...понятие контекста, заимствованное из литературоведения, на наш взгляд, наиболее точно выражает методологическое требование смыслового единства эвристических средств, адекватности языка науки конкретному содержанию социального факта» [3, с. 186]. Как и в литературе, утверждал он, в социологии исследование есть «авторское освоение мира». Подобно литератору, социолог «выдумывает свои “сюжеты”» [3, с. 267].

Идеи, сформулированные в докторской диссертации, легли в основу курса по методологии социологических исследований, который мэтр читал в том числе студентам МВШСЭН: «...я стараюсь навязать слушателям свою концепцию интерпретационных схем» [2, с. 163]. Далее я представлю методологические идеи Батыгина в самом общем виде. Это позволит показать, какой «образ» социологии транслировался студентам Шанинки на заре университета как своего рода иная, альтернативная советской, модель социальной науки. «Лекции по методологии...» описывали устройство дополевого этапа исследований и учили создавать проект, а точнее, концептуальную модель, которую должен сконструировать социолог, прежде чем отправляться в поле за данными. Содержательно «Лекции» были не только обобщением прошлых методологических разработок автора, но и результатом рецепции западных философов и социологов науки.

Концептуальная модель, как ее понимал Батыгин, имела корни в неокантианской методологии общественных наук, предложенной философом Генрихом Риккертом и социологом Максом Вебером. Ее базовым постулатом было утверждение о принципиальной неспособности субъекта познать мир непосредственно, в «живой фактичности» и полноте многообразия. Доступны лишь конкретные фрагменты действительности, но и для этого ученый прежде всего должен сделать

себе «очки» — теоретическую рамку, через которую увидит интересующий его фрагмент. Добавляя к неокантианской философии идеи американского социолога Пауля Лазарсфельда о языке социальных исследований, Батыгин утверждал, что независимо от ориентации конкретного социолога — количественной или качественной — основой любого исследования является развернутая система понятий, то есть концептуальная модель. Понятия в ней связаны не только логическими, но и языковыми отношениями — коннотациями, стилистической окраской, выразительностью. Концептуализация и есть та «оптика», с помощью которой социолог смотрит, описывает, задает вопросы и объясняет некоторый фрагмент реальности. Отсюда следует, что описания или объяснения объекта исследования не формулируются на языке этого объекта. Научные формулировки вырастают не из социальных проблем, а из теоретических вопросов, которые признаются такими неким научным сообществом и его дискурсивным пространством. Научный факт не есть факт действительности. Он всегда есть «идеальный» объект теории: «...источником нового знания являются не данные, а их организация. Данные не даются, а берутся» [1, с. 68].

Отталкиваясь от первоначальной идеи, продолжал Батыгин, социолог выстраивает систему переменных — теоретических объектов, которые принимают два и более значения и позволяют провести различие между эмпирически наблюдаемыми единицами (например, «образование» может быть «начальным», «средним» или «высшим»). Каждой переменной необходимо дать концептуальное, то есть сформулированное в теоретических терминах, определение (например, «политическое насилие как агрессия в отношении политических институтов»). Подобных определений можно дать много, поэтому одни и те же фрагменты реальности могут быть интерпретированы по-разному (например, драка как проявление марксистской «классовой борьбы» или функционалистского «социального неравенства»). В этом месте Батыгин ссылался на концепцию «онтологической относительности» Уилларда Куайна, который также указывал на предпосылочность теории и вариативность языков, создающих разные онтологии [18]. Построив систему переменных, социолог может формулировать гипотезы об отношениях между ними (например, о том, как связаны политическая активность и классовое положение).

Перед эмпирическим измерением исследователь должен перевести концептуальные определения в операциональные, то есть такие, которые позволяют связать теорию с эмпирическими наблюдениями (например, политическую ориентацию информанта с его предпочтением конкретной партии).

После сбора эмпирических данных социолог интерпретирует их в терминах и определениях сконструированной концептуальной модели. В процессе интерпретации теория может подтверждаться, опровергаться или видоизменяться. Здесь Геннадий Семенович, не отдавая предпочтения конкретной теории, рассказывал студентам о фальсификационном принципе Карла Поппера, структуре «научно-исследовательских программ» Имре Лакатоса, об идеях Роберта Мертона о соотношении теории и эмпирики и т. д. В целом социологическая концептуализация, какой предлагал ее Батыгин, представляла умеренно эклектичной и плюралистичной. Если любая теория, как лишь одна из «точек зрения», не может быть признана окончательной, значит, и каждая отдельная интерпретация уникальна,

своеобычна, ситуативна и принципиально опровергаема. Задача методолога — всякий раз конструировать оптимальную концептуальную модель и соответствующие ей средства измерения.

Однако Батыгин оставался сторонником своего рода «классического» типа научности, предполагающего универсальность научной рациональности, объективность знания и ценностей науки, процедурную воспроизводимость ее результатов, в идеале — экспериментальную проверку данных на точность и надежность⁹. Поэтому концептуальный плюрализм социологии признавал, скорее, вынужденным и временным: «Подобный либерально-демократический подход в научной политике не означает отказа от веры в одну истинную теорию, которая являет собой конечную цель всей работы; просто на пути к единственной цели приемлемы многообразные промежуточные инстанции» [1, с. 121].

«Качественная» социология и «жесткая» методология

Представления не только о научности социологии, но и о фундаментальных основаниях социально-научного познания как такового стали предметом заочной полемики, которая в формате статей развернулась между Батыгиным и Шаниным. Я кратко обращаюсь к аргументам сторон, так как это позволит дополнительно прояснить некоторые аспекты исследовательской программы Батыгина.

6 ноября 1997 г. в рамках «длинного стола», который Шанин проводил с полевыми исследователями российского крестьянства, он заметил: «Я к Гене отношусь с большим уважением, но у нас разные взгляды на социологию. Из этого ничего не следует. Уж слишком легко он разобрался с “качественниками” — “они все вообще не знают, о чем говорят”. В этом смысле он создал себе кучу — это куча, балаган. И ты обвиняешь других в этом балагане...» [28, с. 279].

Под «эпистемологической кучей» Батыгин понимал разные направления так называемой «качественной методологии», которые в конце 1990-х активно входили в российское исследовательское поле и формировали новую интеллектуальную моду. «Куче» была посвящена статья 1994 г. с говорящим названием «Миф о качественной социологии», которую Геннадий Семенович написал вместе с Инной Девятко, в то время аспиранткой. Текст представлял собой измененное заключение ее диссертации, было серьезно переработано содержание, изменена тональность аргументации [12], что в данном случае имело значение. Авторы опи-

⁹ Здесь надо быть особенно аккуратным, чтобы избежать часто обесмысливающих реальную работу ученого ярлыков типа «позитивист», «количественник» или «сциентист». С одной стороны, производство научного социологического знания для Батыгина было следованием процедуре: «Социология — это процедура анализа данных о людях или их организациях <...>. Процедура выполняет в науке примерно ту же роль, что обряд в религии или уголовно-процессуальный кодекс в доказывании вины. Если не соблюдена процедура, вывод не может считаться легитимным, то есть научным. Для психолога и социолога человек — испытуемый, и “кодекс” проведения эксперимента — критерий профессиональной легитимности “нормального” ученого» [5, с. 119]. В то же время для Батыгина была важна не процедура сама по себе (как обряд или ритуал, своего рода процедура «первого порядка»), а проверка проведенной процедуры на возможные ошибки, искажения и неточности, вызванные исследовательскими действиями. Если такую проверку тоже понимать как процедуру, то следует считать ее процедурой «второго порядка» и отличать от первой, ритуальной. За это уточнение, высказанное в личной беседе, я благодарю Дмитрия Rogozina.

сывали качественные подходы как такие, которые претендовали на производство более «чистых», «естественных» и «жизненных» описаний благодаря «невмешательству» искусственно созданных научных измерительных инструментов, подразумевали «вживание» в изучаемую среду и основывались на допущении, что вся необходимая информация и язык описания уже содержатся внутри объекта, а не в теоретической рамке исследования. Как следствие, качественные подходы как бы отрицали «безжизненные» количественные методы, манифестировали недоверие к стандартным опросам, статистическим выводам и корреляциям. По мнению Батыгина и Девятко, такую установку никак нельзя было назвать методологией из-за подмены научного доказательства риторикой, отсутствия контроля и проверки наблюдений, сомнительной достоверности и необоснованности выводов.

Более того, саму дискуссию о различении «количественных» и «качественных» подходов авторы называли «бессмысленной», «призрачной» и «псевдопарадигматической», так как считали, что она строилась на разнице метафизических представлений о природе человека и познания, которые невозможно было проанализировать научно: «“Q/Q”-дискуссия не может быть понята и исторически верно реконструирована без упоминавшихся отсылок к контекстам, интересам и идеологиями. Именно поэтому она не может быть разрешена в каком-либо строгом смысле» [8, с. 32]. Поэтому в ход шли скорее нормативные аргументы: «нормальная социологическая наука не отвергает “качественную” методологию при условии, что эталон нормальности задан “жесткой” методологией» [8, с. 40]. Авторы выступали с характерной для Батыгина позиции методологического универсализма, в котором «научность» подразумевает формальную рациональность науки, дисциплинарно организованное знание, строгость теоретического дискурса, каузальность и проверку данных (в идеале — экспериментальную) на валидность и устойчивость. В этой перспективе Батыгин и Девятко фактически отказывали сторонникам качественной «софт-методологии» в профессиональной автономии: «нельзя отрицать зависимость “качественного” жанра от публики, не имеющей специальной профессиональной подготовки, хотя риторические фигуры, типичные для жанра, исполняются виртуозно» [8, с. 42]. И, как следствие, уличали их в постмодернистском «сворачивании», которое сопровождалось «претензиями на чудесное постижение повседневности без использования “мертвых” технических средств измерения и анализа данных» [8, с. 43].

Подобная критика качественной социологии, судя по всему, не была безосновательной. Лариса Козлова, заместитель главного редактора «Социологического журнала», вспоминала, что тексты, выстроенные на качественной методологии, в 1990-е гг., да и позже, часто подавались для публикации без внятной постановки задач, описания исследовательских процедур и обоснования результатов и что это не могло не вызывать протеста у профессиональных методологов [16, с. 16].

Однако, по мнению Шанина, причиной резких оценок была не столько недобросовестность отдельных ученых, сколько специфическая интерпретация Батыгиным и Девятко качественной методологии. В статье 1998 г. Шанин, с одной стороны, соглашался с метафорой «эпистемологической кучи», когда к качественному подходу причислялось все то, что противопоставлялось количественным методам. Солидарен он был и с оценками качественной методологии как «моды», которая «в немалой мере находится под давлением академических рынков, нацеленных (ради

карьерных соображений) на массовое производство повторяющихся текстов поверхностного содержания» [27, с. 103–104]. С другой стороны, замечал Шанин, авторы не дали определения критикуемого «качественного» подхода: «Я с ним [Батыгиным] не согласен, потому что он сам себе создал этого монстра тем, что не определил, что такое “качество”, <...> создав положение, в котором качественное становится каким-то недоноском и массой непонятных вещей» [28, с. 279].

Опираясь на собственные крестьяноведческие проекты¹⁰, Шанин предлагал такое определение качественной методологии: «тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческими стратегиями действующего субъекта, в том числе смыслом, придаваемым им своими действиями <...>. Это не исключает количественных методов как таковых, однако исключает исследования, в которых полученные модели человеческого поведения и взаимосвязи между ними соотносятся только с аналитическими операциями самих исследователей, в то время как человек, объект изучения, рассматривается только с “объективных” позиций, то есть как движимый силами, внешними по отношению к его мыслительному процессу, и к которым сводится причинный механизм действий и взаимодействий» [27, с. 105–106]. Специфика качественной методологии, по Шанину, как видно, была результатом определения объекта исследования. Если исходить из того, что действующие в обществе люди обладают субъектностью, свободой выбора, рефлексивностью и изменчивостью позиций, то надо сказать, что события общественной жизни имеют двойственную природу и содержат не только факты, но и смыслы, которые также могут и должны быть исследованы. Цель состоит в том, чтобы зафиксировать не только наблюдаемые действия/взаимодействия, но и то, как они объясняются и понимаются участниками. Отсюда следовало переопределение Шаниным всего интерфейса качественного исследования, который включал объективный контекст наблюдения, субъективность объекта, а также интерпретативные действия исследователя и их влияние на изучаемый объект.

Эти допущения были причиной расхождения с исследовательских позиций Шанина и Батыгина. Качественная методология, утверждал Шанин, не отменяла аналитическую составляющую. Но исходила из иной последовательности: гипотезы формулируются не *до* полевого этапа исследования в рамках дедуктивного построения концептуальной модели, а *после* или даже параллельно с ним: «...сбор данных, категоризация, кодирование, анализ связей между категориями, проверка с помощью свидетельств представляют собой не просто последовательные стадии работы, а скорее спираль или зигзаг — работа продвигается посредством постоянного возвращения к предыдущему этапу» [27, с. 106]. Такая подвижность исследовательской работы явно не была созвучна методологическому универсализму Батыгина и не укладывалась в рамки того, что он называл «жесткой» методологией. Интересно в связи с этим заметить, что оба ученых фундаментальным теоретическим основанием своих позиций считали неокантианскую философию. Но в конечном счете предлагали ее различающиеся рецепции: условно «позитивистскую» и «интерпретативную».

¹⁰ Они во многом строились как альтернатива советским исследованиям деревни в формате массового стандартизированного анкетного опроса с последующей кодировкой данных и их статистической обработкой.

Таким образом, разные оценки качественной методологии Батыгина / Девятко и Шанина находились в контексте отличающихся исследовательских предпочтений: позитивистская / постпозитивистская философия науки (Поппер, Кун) и эмпирическая социология (Лазарсфельд, Мертон) сталкивались с социальной и культурной антропологией (К. Гирц) и концепцией «приземленной теории» (“grounded theory”, А. Стросс). Что, однако, не снимало самого противоречия. То, что Шанин полагал релевантным различием и продвигал как методологическую инновацию для социальных наук в России, Батыгин и Девятко считали «симптомом аномалии в институциональной структуре науки» [8, с. 37].

Заключение

Отношение Геннадия Батыгина к советской социальной науке следует рассматривать в двух модусах. С одной стороны, как к объекту исследований он подходил к ней с должной серьезностью и умеренным критицизмом. Вадим Радаев, коллега Батыгина по Шанинке первых лет, подчеркивает, что тот «трезво понимал, что собой представляла советская социология, и относился к этому уважительно»¹¹. Более того, судя по свидетельствам того же Радаева, такая установка разделялась коллегами Батыгина по социологическому факультету Школы: «...потоптать отцов и предшественников большого ума не надо. <...> Наше отношение было без надрыва, без разрывания тельника на груди, что советская наука никуда не годится, а мы — британская социология и т. д. <...> Без такого дурацкого критицизма в отношении того, что все это “совок” и никуда не годится. При этом мы все успели поработать в Академии наук»¹². С другой стороны, объективация Геннадием Батыгиным российской и советской социологической традиции не означала, что сам он как социолог, большая часть профессиональной жизни которого пришлась на советский период, разделял ее целеполагание, методологию и критерии текстопроизводства. До середины 1980-х исследовательская работа Батыгина укладывалась скорее в тематический репертуар советской эмпирической социологии. Фактически же результаты этой работы трансформировали основания советской социальной науки по трем направлениям. Во-первых, в исследовательской программе Батыгина инструментальный пафос и «инженерная интерпретация» социологии уступали место нормативной модели в духе веберовского «призвания». Академизация социологии означала, что профессиональный ученый решает прежде всего социологические, а не социальные проблемы. Во-вторых, Батыгин предлагал такие критерии и правила написания, представления и оформления академического текста, которые должны были работать независимо от политической конъюнктуры. Внимание к собственной риторике и стилистике академических высказываний расходилось с характерным для позднесоветской социологии совпадением научной терминологии и публичного дискурса. В-третьих, предложенная Батыгиным концепция интерпретативных схем существенно видоизменяла методологические основания советского социологического эмпиризма. Владение языком теории и умение конструировать концептуальную модель исследования

¹¹ Взято из устного интервью с В.В. Радаевым, проведенного автором 17.02.2025.

¹² Там же.

становились не менее важными, чем математическое или измерительное мастерство. Сами же процедуры измерения и обоснования надежности, точности и воспроизводимости полученных данных должны были соответствовать стандартам «жесткой» методологии.

На примере исследовательской и педагогической деятельности Батыгина видно, что МВШСЭН была одним из мест, где с середины 1990-х гг. осуществлялась попытка профессионализации и академизации социологического ремесла в России. Вместо дискурса, в котором целеполагание и исследовательский стиль были «склеены» с публичной аджендой и реформаторской риторикой, слушателям предлагался дискурс, который опирался на язык, практики и методологические нормы социальной науки как таковой. «Расклейка», в свою очередь, могла способствовать дальнейшей герметизации и теоретизации научной риторики. Как это воспринималось слушателями Шанинки и коллегами по социологическому цеху из других институций? Что менялось в исследовательской программе Батыгина по мере того, как она осваивалась и критически перерабатывалась новыми поколениями студентов МВШСЭН? Удалось ли ему и другим шанинским социологам создать что-то вроде научной школы, подхода или традиции? Подобные вопросы неизбежно возникают, когда речь заходит о Геннадии Батыгине, исследователе и педагоге. Однако поиск ответов — задача на будущее.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пресняков Илья Валерьевич — аспирант, Школа истории и региональных исследований, факультет гуманитарных наук, Тель-Авивский университет. **Телефон:** +972 503828659. **Электронная почта:** presnyakoviliaval@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 66–86. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.4

Research Article

ILYA V. PRESNYAKOV

¹ School of History and Regional Studies, Faculty of Humanities, Tel Aviv University. Gilman Bldg., Ramat Aviv, Tel Aviv, 6997801, Israel.

SOVIET / NON-SOVIET SCHOLAR GENNADY BATYGIN: OUTLINES OF A RESEARCH PROGRAM

Abstract. The article attempts to reconstruct the research program of Gennady Semyonovich Batygin (1951–2003) — philosopher, sociologist, historian of the social sciences, and the first Dean of the Faculty of Sociology at the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES/Shaninka). The analysis is structured as a sequential description of four thematic blocks: 1) the history of Russian/Soviet sociology, 2) the language and writing of sociological science, 3) the methodology of sociological research, and 4) the debate over “qualitative” sociology and “rigorous” methodology.

The article’s central argument is as follows: while Batygin may formally be placed within the cohort of “Soviet sociologists”, it must equally be admitted that he worked largely outside the logic and norms of Soviet sociology. In other words, his research program, though emerging within the institutional context of Soviet science, transformed its methodological, textological and epistemological foundations in three ways. First, the instrumental ethos of sociology gave way to a normative model of academic “vocation” in the Weberian sense. Second, Batygin developed criteria for academic writing that were independent of political circumstances. Third, his concept of interpretive schemes substantially revised the foundations of

Soviet sociological empiricism: Batygin argued that social reality in research is a constructed artifact rather than a direct reflection of the objective world.

Drawing on Batygin's scholarly and pedagogical activities at MSSES, the article demonstrates that the Moscow School from the mid-1990's onward became a site of professionalization and academization of the sociological craft in Russia — a space in which Soviet social science was not simply rejected, but critically reexamined.

Keywords: Gennady S. Batygin (1951–2003); history of Russian sociology; Soviet sociology; methodology of sociological research; academic writing; conceptual model; interpretive schemes; qualitative methodology; professionalization of sociology; Moscow School of Social and Economic Sciences; Shaninka; oral history.

For citation: Presnyakov, I.V. Soviet / Non-Soviet Scholar Gennady Batygin: Outlines of a Research Program. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 66–86. [10.19181/socjour.2026.32.1.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.4)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илья В. Пресняков — PhD Candidate, School of History and Regional Studies, Faculty of Humanities, Tel Aviv University. **Phone:** +972 503828659. **E-mail:** presnyakoviliaval@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-пресс, 1995. — 286 с. EDN: [YNBOTR](#)
Batygin G.S. *Lectures on the Methodology of Sociological Research*. Moscow: Aspekt-press publ., 1995. 286 p. (In Russ.)
2. *Батыгин Г.С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167. EDN: [PZQNW](#)
Batygin G.S. “I could not even conceive of any other path”. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2003. No. 2. P. 132–167. (In Russ.)
3. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 272 с. EDN: [YTNMKT](#)
Batygin G.S. *Justification of Scientific Conclusions in Applied Sociology*. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1986. 272 p. (In Russ.)
4. *Батыгин Г.С.* Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 23–44.
Batygin G.S. Continuity of the Russian Sociological Tradition. *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow: IS RAS publ., 1998. P. 23–44. (In Russ.)
5. *Батыгин Г.С.* Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 115–131. EDN: [PZQNWD](#)
Batygin G.S. The craft of Paul Lazarsfeld: an introduction to his scientific biography. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2003. No. 2. P. 115–131. (In Russ.)
6. *Батыгин Г.С.* Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР. 1991. Т. 60. № 10. С. 90–107.
Batygin G.S. Soviet sociology at sunset of the Stalin epoch (several episodes). *Vestnik AN SSSR*. 2011. Vol. 60. No. 10. P. 90–107. (In Russ.)
7. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / Институт социологии Российской акаде-

- мии наук, Университет Фрибурга, Швейцария; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
- Batygin G.S. “Social Scientists” in Times of Crisis: Structural Changes in the Disciplinary Organization and Thematic Repertoire of the Social Sciences. *Sotsial’nye nauki v postsovetskoy Rossii* [Social Sciences in Post-Soviet Russia]. Ed. by G.S. Batygin, L.A. Kozlova, E.M. Sviderski. Moscow: Akademicheskiiy proekt publ., 2005. (In Russ.)
8. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–45. EDN: [TZKHOJ](#)
- Batygin G.S., Devyatko I.F. The myth of “qualitative sociology”. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 2. P. 28–45. (In Russ.)
9. Батыгин Г.С., Малинкин А.Н. Опыт построения и сопоставления морфологических моделей образа жизни // Проблемы измерения и моделирования образа жизни / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: ИСИ АН СССР, 1978. С. 40–58.
- Batygin G.S., Malinkin A.N. Experience in constructing and comparing morphological models of lifestyle. *Problemy izmereniya i modelirovaniya obraza zhizni* [Problems of Measuring and Modelling Lifestyle]. Ed. by I.V. Bestuzhev-Lada. Moscow: ISR AS USSR publ., 1978. P. 40–58. (In Russ.)
10. Виноградский В.Г. Батыгин: стилистическое танго // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 131–135. EDN: [PBDUAP](#)
- Vinogradskiy V.G. Batygin: a stylistic tango. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 1. P. 131–135. (In Russ.)
11. Виноградский В.Г. «Варвары — это те, у кого нет языка» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2023. Т. 1. № 2. С. 63–70.
- Vinogradskiy V.G. “Barbarians are those who have no language”. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 63–70. (In Russ.)
12. Девятко И.Ф. «Человек должен самому себе и Творцу» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2023. Т. 1. № 2. С. 50–57.
- Devyatko I.F. “A man owes to himself and to the Creator”. *Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 50–57. (In Russ.)
13. Димке Д.В. Классики без классики // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 97–106. EDN: [PBTURH](#)
- Dimke D.V. Classics without classics. *Sotsiologicheskiiy issledovaniya*. 2012. No. 6. P. 97–106. (In Russ.)
14. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Т. 1: Биографии и история. М.: ЦСПиМ, 2016. — 418 с.
- Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 vols. Vol. 1: Biographies and History*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 418 p. (In Russ.)
15. Заславская Т.И. «Нам очень хотелось создать настоящую науку» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 201–223. EDN: [UGAQBB](#)
- Zaslavskaya T.I. “We very much wanted to create a genuine science”. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 1997. No. 1–2. P. 201–223. (In Russ.)
16. Козлова Л.А. Ремесло Геннадия Батыгина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 14–17.

- Kozlova L.A. The craft of Gennady Batygin. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2011. No. 1. P. 14–17. (In Russ.)
17. Козлова Л.А. «Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным» / Интервью провела О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2024. Т. 2. № 2. С. 51–65. EDN: STJGNN
Kozlova L. “Batygin invited us to see the non-obvious meanings behind what seems obvious”. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2024. Vol. 2. No. 2. P. 51–68. (In Russ.)
18. Куайн В. Онтологическая относительность / Пер. с англ. // Современная философия науки: Хрестоматия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. А.А. Печенкина. М.: Наука, 1994. С. 23–36.
Quine W.V. Ontological Relativity. Comp., transl. from English, introd. and comment. by A.A. Pechenkin. *Sovremennaya filosofiya nauki: Khrestomatiya*. Moscow: Nauka publ., 1994. P. 23–36. (In Russ.)
19. Никулин А.М. «Обсуждать любой вопрос с академическим смирением» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2023. Т. 1. № 2. С. 71–77.
Nikulin A.M. “Discussing any question with academic humility”. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 71–77. (In Russ.)
20. Осипов Г.В., Москвичев Л.Г. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. — 646 с.
Osipov G.V., Moskvichev L.G. *Sociology and Power (as it really was)*. Moscow: Ekonomika publ., 2008. 646 p. (In Russ.)
21. Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Отв. ред. Ф.М. Бородин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. — 593 с.
Comprehension: Sociology. Social Policy. Economic Reform. Ed. by F.M. Borodkin, L.Ya. Kosals, R.V. Ryvkina. Moscow: Progress publ., 1989. 593 p. (In Russ.)
22. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 480 с.
The Sociologist’s Working Book. Ed. and introd. by G.V. Osipov. 5th ed. Moscow: LIBROKOM publ., 2009. 480 p. (In Russ.)
23. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М.: Высшая школа, 2004. — 456 с.
The Development of Sociology in Russia (from its Origins to the End of the 20th Century). Ed. by E.I. Kukushkina. Moscow: Vysshaya shkola publ., 2004. 456 p. (In Russ.)
24. Рогозин Д.М. Автобиография в переписке с Борисом Докторовым. М.: Фонд «Общественное мнение», 2016. — 280 с.
Rogozin D.M. *Autobiography in Correspondence with Boris Doktorov*. Moscow: Public Opinion Foundation publ., 2016. 280 p. (In Russ.)
25. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. — 683 с.
Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents. Ed. and introd. by G.S. Batygin; Ed.-comp. S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., 1999. 683 p. (In Russ.)

26. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. — 294 с.
Firsov B.M. *History of Soviet Sociology of the 1950s–1980s: A Lecture Course.* St Petersburg: Publishing House of the European University in St Petersburg, 2001. 294 p. (In Russ.)
27. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101–116. EDN: PZQJUI
Shanin T. The methodology of double reflexivity in studies of the contemporary Russian village. *Sotsiologicheskii zhurnal.* 1998. No. 3/4. P. 101–116. (In Russ.)
28. *Штейнберг И.Е.* Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021. — 300 с.
Shteynberg I.E. *The “long table” method in qualitative field sociological research.* Moscow: All-Russian Public Opinion Research Center publ., 2021. 300 p. (In Russ.)
29. *Criticism and the Growth of Knowledge.* Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 145 p.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025; поступила после рецензирования и доработки: 18.12.2025; принята к публикации: 21.12.2025.

Received: 21.11.2025; revised after review: 18.12.2025; accepted for publication: 21.12.2025.